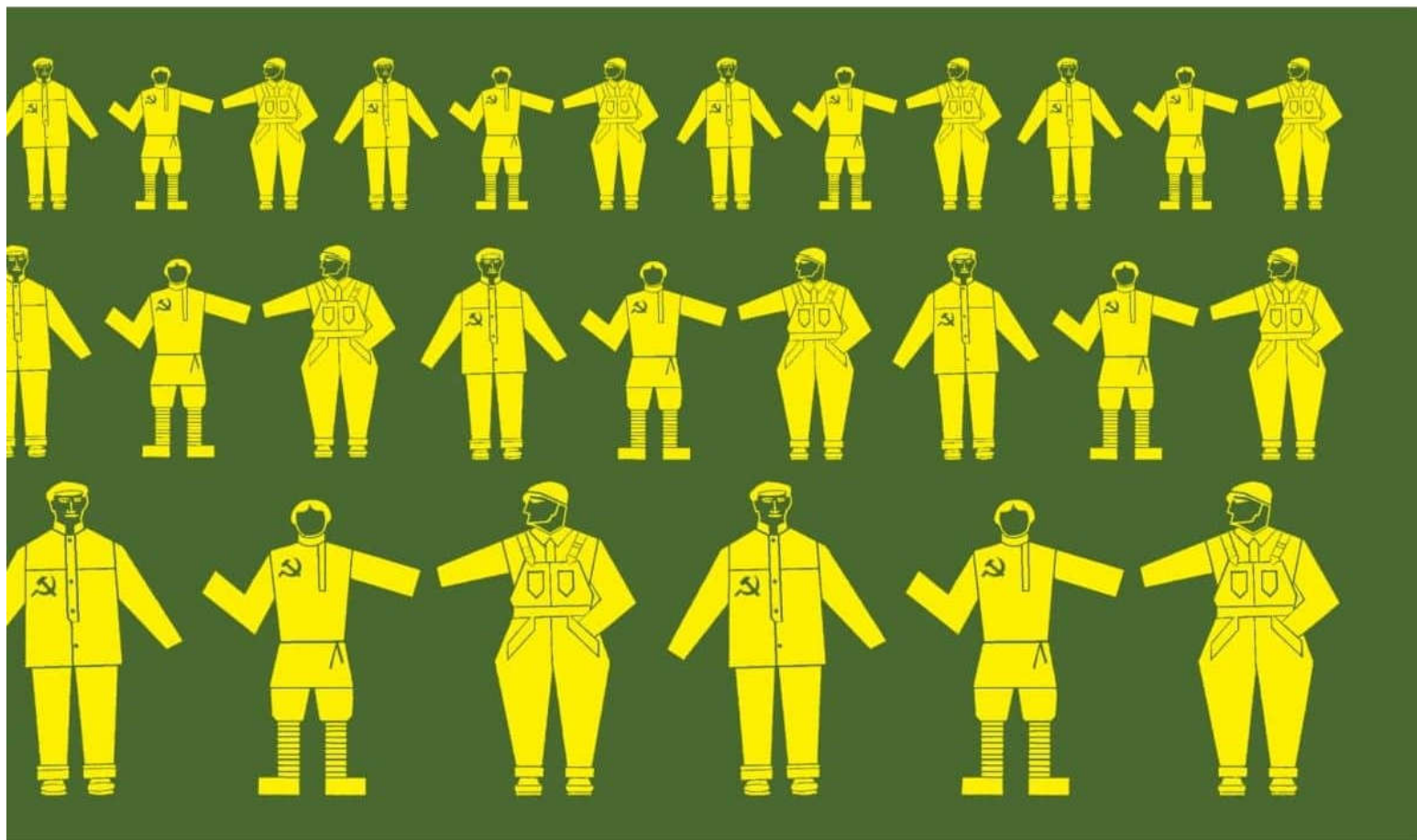

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Факультет истории

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы одиннадцатой международной конференции
студентов и аспирантов
14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург

Факультет истории

*Книга издана при поддержке
Комиссии по научному планированию ЕУСПб*

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы одиннадцатой международной
конференции студентов и аспирантов
14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

Составители и редакторы: *М. Газимзянов, Д. Дородных, И. Егорова, Е. Жданкова, А. Козлова, Е. Красильникова, О. Майстат, Д. Наволоцкая, Э. Россман, Д. Свирина*

К65 **Конструируя «советское»?** Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы одиннадцатой международной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург). — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 200 с.

ISBN 978-5-94380-233-1

Настоящее издание является сборником материалов одиннадцатой международной конференции «Конструируя “советское”?», состоявшейся 14–15 апреля 2017 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В конференции приняли участие молодые исследователи из Иркутска, Казани, Москвы, Перми, Петрозаводска и Санкт-Петербурга, а также из Будапешта, Еревана, Киева, Мюнхена, Тарту. В фокусе внимания авторов статей — советский идеальный человек, политика памяти и память о «советском», революция 1917 года, религиозные практики в Советском Союзе, гендерные модели и забота в СССР. В докладах были использованы разнообразные письменные и визуальные источники, с помощью которых авторы предложили свое понимание феномена «советского».

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

Конференция организована при поддержке
профессуры компании ТАИФ по истории исламских народов
в составе России

Организаторы конференции выражают благодарность
факультету истории искусств ЕУСПб за финансовую помощь
в организации лекции О. Булгаковой в рамках конференции

ISBN 978-5-94380-233-1

© Авторы, 2017
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Раиса Базанова</i> «ИЗБРАН. КОМАНДИРОВАН. МОБИЛИЗОВАН»: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПЕНСИОНЕРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	9
<i>Екатерина Басманова</i> ТЕМА ИЗОБИЛИЯ В СОВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ХУДОЖНИКА П. В. КУЗНЕЦОВА)	16
<i>Александра Белянская</i> РЕШЕНИЯ ЦК ВЛКСМ О БОРЬБЕ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ МОЛОДЕЖИ В СССР В 1950-Е ГГ.	23
<i>Анна Богомолова</i> СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК НАСЛЕДНИК ПРОШЛОГО И АВАНГАРД БУДУЩЕГО МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	31
<i>Абигейл Бретчер / Abigail Bratcher</i> COMRADES' COURTS IN KHRUSHCHEV'S RUSSIA: A GENDERED READING	38
<i>Моррис Векстрём / Morris Wikström</i> IN SEARCH OF AMERICA — A READING OF JOHN STEINBECK'S A RUSSIAN JOURNAL	44
<i>Екатерина Воронова</i> МОДЕЛЬ ОТЦОВСТВА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ 1950-Х ГГ.	53
<i>Мария Вятчина, Анна Юдкина</i> НИЗОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В СССР: КЕЙС ГОРОДА РУДНИ	62
<i>Даулет Жанайдаров</i> СЦЕНАРИЙ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» 1928 Г.: СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ КЛАССИКИ	71
<i>Ринат Иимухаметов</i> СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЛАСТНЫЕ ПРАКТИКИ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ (1948–1957)	79

<i>Яна Китаева</i> О «ПРАВДЕ» В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРЕСТРОЙКИ	87
<i>Илья Концевой</i> ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПЕРИОД «ДОЛГОЙ» РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.	93
<i>Екатерина Кулиничева</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ОЛИМПИЙСКОЙ ПАРАДНОЙ УНИФОРМЕ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ	101
<i>Антон Левицкий</i> ПРЕДОТВРАЩЕННОЕ БАНКРОТСТВО: БЕЛОРУССКАЯ НАЦИЯ И СОВЕТСКИЕ ПРОСТРАНСТВА «ВНЕАХОДИМОСТИ»	108
<i>Мария Меньшикова</i> РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСИЛИЕ, РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКИ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	115
<i>Яна Никулина</i> МЕЖДУ СПЕКТАКЛЕМ И ОБМОРОКОМ: ДИСКУРС ЗАБОТЫ ОБ ЭВАКУИРОВАННЫХ АРТИСТАХ В ГОДЫ ВОЙНЫ	122
<i>Артемий Плеханов</i> УКРАИНСКАЯ ДЕКОММУНИЗАЦИЯ: БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО	131
<i>Михаил Погорелов</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КАБИНЕТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1922–1929 ГГ.	139
<i>Джоанна Росс / Johanna Ross</i> THE MEN ARE BORED, THE WOMEN ARE WORRIED: WOMEN'S EMANCIPATION IN 1970S ESTONIAN LITERATURE	146
<i>Мария Старун</i> «УПАДОЧНИЧЕСТВО» В КОМСОМОЛЕ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.	152
<i>Андрей Ферт</i> «Я НЕ ПОНИМАЮ, О ЧЕМ ГОВОРIT ЭТОТ СВЯЩЕННИК»: КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ КИЕВА В ПЕРИОД «ЗАСТОЯ»	160
<i>Рузанна Цатурян</i> ОФИЦИАЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЯ: ИЗОБИЛИЕ И ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ «АРМЯНСКОЙ КУЛИНАРИИ»	169

Александра Чебаковская

ДОСУГ ПО-ДЕТДОМОВСКИ: НОРМЫ И ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ
«СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ» В СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
КАРЕЛИИ В 1920-Х ГГ. 176

Юлия Чернявская

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГЕРОЯ: ФИЛЬМ «ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ»
В ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ 184

Владислав Яковенко

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ В 1919 Г. 193

Михаил Погорелов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Москва
факультет гуманитарных наук, аспирант 2 курса
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ КАБИНЕТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ, 1922–1929 ГГ.

1920-е гг. сыграли ключевую роль в институционализации советской криминологии. Интеллектуальные, общественные и профессиональные дискуссии о преступности, как и научные программы отдельных ученых, существовали и до революции. Перед самым началом Первой мировой войны одна из таких исследовательских программ, — криминальная антропология в версии юриста Дмитрия Дриля, — все-таки получила институциональное воплощение в одном из департаментов Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. Однако как полноценная дисциплина, которая бы объединила профессиональное сообщество с исследовательской и образовательной базой, криминология сложилась только при большевиках¹.

Всего за семь лет, с 1922 по 1929 г., в различных городах открывалось более десятка криминологических «лабораторий»: в Саратове, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Минске, Иркутске, Баку и Тифлисе. Несмотря на различие в научных подходах и специализации, — одни придерживались медико-биологических исследований, другие были аффилированы с судами, третьи занимались исследованиями заключенных и функционировали при тюрьмах, — эти лаборатории и стали той институциональной основой, из которой выросла вся дисциплина. В 1925 г. пять региональных кабинетов были объединены в единую сеть под началом Государственного института по изучению преступности и преступника в Москве при НКВД РСФСР. С этого момента и до конца 1920-х гг.

---

¹ *Kowalsky Sh. Deviant women: Female Crime and Criminology in Revolutionary Russia: 1880–1930. Illinois, 2009; Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and Fate of Liberal Modernity: 1880–1930. Ithaca, 2008; Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.*

Госинститут становится центром разработки уголовного и пенитенциарного законодательства и практики².

Институционализация советской криминологии может показаться удивительной по своим масштабам, — она получила государственную поддержку, относительную научную свободу, беспрецедентную возможность проводить исследования в местах заключения, а также (на короткий срок) влиять на пенитенциарную политику. Тем не менее, если посмотреть на общеевропейский контекст, создание лабораторий при пенитенциарных учреждениях не было чем-то уникальным. Идея изучения преступника в специальных заведениях появилась задолго до начала XX в. и получила новый импульс вместе с проектом криминальной антропологии Чезаре Ломброзо. Прежде всего это было связано с индивидуализацией наказаний: чтобы понять, какая «мера социальной защиты» необходима для того или иного преступника, нужно было знать его психологию и способность к «исправлению». Первая в мире лаборатория открывается по инициативе психиатра Х. Инхеньероса в Буэнос-Айресе в 1907 г.³ Примерно в то же время начала работать лаборатория пенитенциарной антропологии в Лувенской тюрьме, а к 1920 г. аналогичные отделения начали создаваться и в других бельгийских тюрьмах. В 1910–1920-е гг. институты по изучению преступности появляются в Португалии, Франции, Италии, Австрии, Венгрии, Чехословакии и других странах. В 1933 г. Криминально-биологическая комиссия была создана при Министерстве юстиции Польши⁴. Наконец, Криминально-биологическая служба, открытая в Баварии в 1924 г., в 1930-е гг. получила поддержку нацистского режима и была превращена в национальную программу⁵. В этом отношении, открывая криминологические лаборатории в Советском Союзе, представители профессиональных групп (главным образом юристы и психиатры) были интерпретаторами и проводниками общеевропейских тенденций.

---

² Диспут к вопросу об изучении преступности в СССР // Революция права. 1929. № 3. С. 47–48.

³ *Rodriguez J.* Civilizing Argentina: Science, Medicine, and the Modern State. Chapel Hill, 2006. P. 53.

⁴ *Linkiewicz O.* Applied Modern Science and the Self-Politicization of Racial Anthropology in Interwar Poland // *Ab Imperio*. 2016. No. 2. P. 171–172.

⁵ *Wetzell R. F.* Inventing the Criminal: A History of German Criminology: 1880–1945. Chapel Hill, 2003. P. 254–260.

Другое дело, что в рамках раннесоветского проекта криминология получила совершенно особый статус, функцию и роль. Уже П. Соломон обратил внимание на прогрессивность раннесоветской пенитенциарной политики. Во-первых, она отражала идеи, разработанные как российскими, так и зарубежными юристами задолго до 1917 г. Во-вторых, как большевики, так и профессионалы, подключившиеся к составлению новых кодексов и разработке новой пенитенциарной системы, вполне всерьез относились к идее перевоспитания преступников и превращения тюрем в исправительные учреждения, — по крайней мере, до середины 1920-х, когда такая политика натолкнулась на непреодолимые материальные трудности⁶. Криминологические лаборатории, объединенные в 1925 г. в единую сеть, как раз и должны были находиться в центре этой новой политики. Как указывал один из организаторов Государственного института, в отличие от криминологических институтов в других странах, советская криминология стремилась «к замене тюрем воспитательными учреждениями в подлинном смысле того слова, к отысканию новых действительно целесообразных методов исправительно-трудового воздействия на преступников»⁷.

Криминологические лаборатории оказались в центре обсуждений IX пенитенциарного конгресса, созванного в Лондоне в 1925 г. Всемирно известный юрист Михаил Гернет, взявший на себя теоретическое руководство советской криминологией, отметил, что старая тюремная администрация продолжает представлять собой серьезную оппозицию новым исследованиям. В соответствии с резолюцией съезда, доступ в пенитенциарные заведения имели только тюремные врачи: для всех остальных специалистов он оставался закрыт. По мнению Гернета, советские тюрьмы, где доступ к заключенным имели не только сотрудники, но и широкий круг профессионалов, выгодно отличались от западноевропейских. Главным же недостатком зарубежных лабораторий был их исключительно медицинский, а не социологический характер: «если психиатр дает заключение о вменяемости

---

⁶ *Solomon P. H. Soviet Penal Policy: 1917–1934: A Reinterpretation // Slavic Review. 1980. Vol. 39. No. 2. P. 195–217. См. также: Retish A. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia // Historical Research. 2017. Vol. 90. No. 247. P. 134–150.*

⁷ *Спасокукоцкий Н. Н. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника при НКВД // Проблемы преступности. М., 1929. Вып. 4. С. 137.*

обвиняемого, то социолог дает свое заключение о нем с точки зрения его приспособляемости и неприспособленности к социальной среде. Социологическое изучение личности дает материал для правильного выбора применяемой к обвиняемому меры социальной защиты»⁸. В этом и заключалась позиция советских криминологов: они пытались интегрировать специалистов совершенно разных дисциплин, совместив биологическую и социологическую парадигмы.

Хотя различные кабинеты не всегда разделяли одни и те же методологические установки (большинство из них напоминали зарубежные лаборатории и открывались психиатрами), к середине 1920-х, когда был организован Государственный институт по изучению преступника и преступности, начались поиски парадигмы, которая бы объединила представителей разных дисциплин. В каком-то смысле концепция и структура Института (включавшего четыре секции: социально-экономическую, криминалистическую, пенитенциарную и биопсихологическую) напоминала концепцию Психоневрологического института В. Бехтерева, в котором различные науки объединялись вокруг общего объекта — человека. Междисциплинарность рассматривалась не как препятствие, а скорее как преимущество. Как указывал юрист и сотрудник Ленинградского кабинета Павел Люблинский в докладе «Изучение преступности и преступника» в 1928 г., преступность должна изучаться методами как наук о поведении человека, так и методами социальных наук: «ведущийся в науке спор о сравнительном значении биологических и социальных факторов в типологии преступности должен быть признан чисто умозрительным и практически бесплодным, так как каждый акт поведения человека является целостным актом личности, формируемой всей совокупностью наследственных, приобретенных и отраженных влияний. Современное научное изучение преступности мыслимо лишь как коллективная работа группы различных специалистов»⁹. 1-е Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей в 1928 г. подтвердило сотрудничество социологов и психиатров, хотя и оставило «за социально-экономической средой значения первичного фактора в развитии преступности».

---

⁸ Гернет М. Н. Вопрос об учреждениях для изучения преступности на международном пенитенциарном конгрессе // Изучение преступности и пенитенциарная практика. Одесса, 1927. С. 8–19.

⁹ Материалы о создании Ленинградского криминологического кабинета // Фонд рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ФР РГБ). Ф. 603. Оп. 3. Д. 21. Л. 19–20.

Другая особенность раннесоветской криминологии — неожиданно быстрая институционализация при поддержке большевиков. Ее успех можно сравнить с двумя другими экспериментальными дисциплинами — евгеникой и социальной гигиеной, которые также пережили стремительный взлет и такое же стремительное падение в 1920-е¹⁰. Во всех трех случаях ключевое значение имел патронаж: связи научного сообщества с государственными структурами, заинтересованными в поддержке и развитии исследований. Как правило, криминологические «лаборатории» открывались в университетских центрах, при поддержке местных или центральных властей. Так, Саратовский кабинет был открыт при Губернской секции мест заключения. Почти всегда инициаторами выступали ученые, работающие в тюрьмах или системе здравоохранения. В то же время, в случае Московского кабинета, инициатором выступил начальник административного отдела Моссовета, который предложил группе медиков и юристов провести исследование заключенных в московских арестных домах¹¹. Иркутский кабинет был создан в 1926 г. на основе юридического и медицинского факультетов Восточно-Сибирского университета, а финансирование получал от Административного отдела исполкома Иркутского округа. Белорусский кабинет был открыт при Белорусском государственном университете и НКВД БССР. Часто кабинеты создавались на базе дореволюционных, как это было в случае институтов научно-судебной экспертизы в Киеве, Одессе и Харькове, существовавших еще до войны.

Большинство кабинетов, однако, очень скоро столкнулось с нехваткой финансирования. Переписка Гернета, представлявшего центральный Госинститут в Москве, с региональными отделениями показывает, что причинами закрытия некоторых кабинетов были не столько обвинения в «неоломброзианстве» в конце 1920-х, сколько

---

¹⁰ *Кременцов Н.* Международная евгеника и российское медицинское общество: 1900–1917 // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 1. С. 7–41; *Он же.* От «звериной философии» к медицинской генетике: Евгеника в России и Советском Союзе // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 2. С. 24–57; *Solomon S. G.* The Limits of Government Patronage of Sciences: Social Hygiene and the Soviet State: 1920–1930 // Social History of Medicine. 1990. No. 3. P. 405–435.

¹¹ Преступный мир Москвы / под ред. М. Н. Гернета. М.: Право и жизнь, 1924. С. VII; *Гернет М. Н.* Первая русская лаборатория по изучению преступности // Право и Жизнь. 1924. Кн. 2. С. 26–34.

банальное отсутствие средств. В начале 1927 г. Гербер Маннс просит Гернета рассмотреть возможность, при которой Иркутский кабинет стал бы филиалом Госинститута. В письме Гернету Маннс доказывал, что материалы кабинета «не менее интересны, а в некотором направлении более разнообразны, чем [материалы] мест заключения Москвы. [Поскольку] местные бюджеты не позволяют рассчитывать на [финансирование], то на успешное дальнейшее развитие для деятельности единственного в Сибири Кабинета можно рассчитывать только если он будет включен в сеть местных филиалов Госинститута». В сентябре 1927 г. Маннс сообщает, что Кабинет скорее всего закроется, если Госинститут не согласится сделать его филиалом и включить в свой бюджет¹². Аналогичные просьбы и жалобы поступали и от украинских кабинетов.

Однако в поиске патронов были заинтересованы не только местные кабинеты, но и Государственный институт. Централизация криминологических исследований и создание Госинститута в 1925 г. в принципе стали возможны благодаря патронажу и покровительству ключевых ведомств и людей. Госинститут был образован при НКВД РСФСР, при участии еще трех ведомств — народных комиссариатов просвещения, здравоохранения и юстиции¹³. Однако ключевую роль в его создании сыграл начальник Главного управления мест заключения Е. Г. Ширвиндт, который добился поддержки наркома внутренних дел Г. Белобородова, а также Н. А. Семашко и А. В. Луначарского¹⁴. Ширвиндт, занявший место директора Института, и представитель Наркомздрава Н. Н. Спасокукоцкий служили своего рода медиаторами между научным сообществом и большевиками. Деятельность Института будет напрямую связана с НКВД РСФСР. В 1931 г., когда будет распущен НКВД, Ширвиндт покинет пост директора (как и большая часть прежнего руководства и сотрудников), Институт полностью поменяет свои функции и перейдет (как и все тюрьмы) в ведение Наркомата юстиции РСФСР.

Аналогичный сценарий можно увидеть и в случае Всеукраинского кабинета. Созданный в 1925 г. при участии Исправительно-трудовой

---

¹² Материалы по созданию Иркутского кабинета по изучению преступности и личности преступника // ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 20. Л. 10–11.

¹³ *Спасокукоцкий Н. Н.* Организация и первые шаги деятельности Государственного Института по изучению преступности и преступника при НКВД // Проблемы преступности. М., 1926. Вып. 1. С. 269–276.

¹⁴ *Kowalsky Sh.* Deviant women. P. 105.

инспекции Одесской губернии, Кабинет должен был стать центром криминологических учреждений УССР, т. е. выполнять функцию, аналогичную Госинституту¹⁵. При этом, в то время как исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. не подразумевал создание специальных криминологических учреждений, исправительно-трудовой кодекс УССР 1925 г. включал статью, предусматривающую «криминально-диагностические кабинеты» при тюрьмах¹⁶. В 1926 г. Всеукраинский кабинет подготовил материалы специально для их работы. В 1927 г. разгорелся ведомственный конфликт между Народными комиссариатами юстиции и внутренних дел Украинской ССР: представители НКЮ хотели закрыть Кабинет в Одессе (патронируемый НКВД) и передать все его функции аналогичному учреждению в Харькове, которое курировал Наркомюст¹⁷. В результате, однако, Кабинет продолжал работать до середины 1930-х гг.

Постепенный поворот к новому политическому курсу в конце 1920-х гг. предопределил «разгон» криминологии, которая потеряла свой статус, возможность публичных дискуссий и исследовательский характер. Тем не менее, случай советской криминологии в 1920-е гг., как и сценарии евгеники и социальной гигиены, показывает пример крайне успешной институционализации экспериментальной научной дисциплины, которая до 1917 г. существовала в «маргинальном» виде. Как возникновение и развитие, так и упадок криминологических исследований нужно объяснять с точки зрения функционирования и динамики институтов, а также систем патронажа, когда большинство исследовательских кабинетов по всей стране были созданы (зачастую по инициативе снизу) при кооперации профессионалов и местных / центральных властей.

---

¹⁵ Материалы о создании Всеукраинского кабинета по изучению преступности и личности преступника // ФР РГБ. Ф. 603. Оп. 3. Д. 19. Л. 13–18.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Там же. Л. 3.